

этой традиции есть и другой аспект – в утверждении порядка и смысла общественности огромную роль играют признанные в сообществе моральные авторитеты (вспомним Л.Толстого или А.Сахарова). Значение духовных авторитетов для развития общественного самосознания выражалось и в том, что «в России поэт всегда больше, чем поэт», и в том, что «русским мальчикам прежде всего надо предвечные вопросы решить» (Ф. Достоевский). Последнее – *решение предвечных вопросов* – и есть, на мой взгляд, самое важное основание общественности в нашем отечественном опыте, основание гражданского, т.е. признаваемого и утверждаемого гражданами, общества. Как верно заметил акад. В.С. Степин, в российском сознании справедливость стоит выше закона, а потому именно она, а не закон, определяет общественный порядок (или беспорядок!). Справедливость не может быть декларирована как закон или истина, она должна быть явлена, позиционирована, открыта как действие, как событие. Вот почему и необходимы общественные моральные авторитеты. Они не избираются, не назначаются, не покупаются. Они становятся голосом общественной совести. Поэтому гражданское общество российской традиции может быть основано именно на образовании личности, способной ориентироваться на нравственные ценности. Такая личность формируется образованием и культурой. Поэтому путь к гражданскому обществу в России лежит через образование, ориентированное на воспитание, на формирование свободного критического мышления личности (постоянное обращение к *предвечным вопросам!*). А это и есть дело интеллигенции. Поэтому и в постсоветском российском обществе «средним классом» как опорой гражданского общества должен стать не предприниматель, не мелкий бизнес, а человек образования, носитель знания и культуры.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЫ В ДИСКУРСЕ ВЛАСТИ ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ

Куцупал С.В.

г. Полтава. Украина

Среди бесчисленных дефиниций понятия «власть» заслуживает внимания определение, сформулированное Г. Моргентау: «Когда мы говорим о власти, мы имеем в виду осуществляемый человеком контроль над сознанием и действиями других людей» [1, Р.26]. Именно желание доминировать над сокровенной сущностью других, подчинять их поведение и действия своей воле, а иногда и своеволию является осевой референцией мыслительного пространства властвования, тайным эзотерическим компонентом феномена власти.

Именно этот аспект отношений власти и раскрывается в деятельности интеллектуалов, стремящихся к осмыслению своего времени, раскрытию всех составляющих мозаичной картины современности, конструирующей единое понятийное пространство, где все события именованы, обретают свое место и пропускаются сквозь сито истинностных процедур. Как справедливо заметил Ж. Делез: «теоретик-интеллектуал перестал быть субъектом, представителем чьей-то совести или олицетворением чьего-то сознания. Ибо те, кто действует и борется, перестали быть представляемыми кем-либо, будь то партией или профсоюзом, которые, в свою очередь, присваивали бы себе право быть их сознанием» [2, с.67]. Единичность перешла во множественность, представительство уступило место действию – теоретическому, практическому, коммуникативному, заключенному в отношения перехода или сплетения.

Претерпевают изменения и традиционные виды политизации интеллектуала и, соответственно, два вида участия в политике, характерные для современной эпохи: интеллектуала «отверженного», особенно страдавшего и притеснявшегося в те периоды развития общества, когда господствовали догмы, установленные властью, а тоталитарные «короли» гордо выдавали идеологическую и нравственную наготу за щегольские новые наряды, и интеллектуала «социалиста», которому дозволено было раскрывать определенные стороны отношений в системе власти. Роднило эти два типа интеллектуалов одно – они говорили истину тем, кто ее не видел, и от имени тех, кто по различным причинам не мог ее высказать.

Постсовременность характеризуется небывалой активностью масс, которые не только отчетливо понимают истину власти, но и не боятся ее высказать открыто, примером чего могут быть многочисленные «цветные революции», существенно изменившие окраску политической карты многих стран Европы. Кроме того, реалии жизни обоснованно показывают, что во многих случаях интеллектуалы превратились в активную часть системы власти, являясь активными адептами ее интересов. Соответственно кардинально меняется роль интеллектуала «не высказывать за всех безмолвную истину, а ... бороться против всех видов власти, ...за то, чтобы выявлять и подрывать ее там, где она более всего невидима и коварна» [2, с.69].

Именно интеллектуал призван раскрывать сущность действий власти, следить за тем, чтобы предлагаемые реформы и нововведения были направлены не на обслуживание интересов власти и увеличение ее привилегий, а на улучшение социальных, политических, экономических интересов массы населения, раскрывать и контролировать механизмы осуществления власти.

Источники и литература

1. Morgenthau H. Politics Among Nations. – N.-Y., 1967.
2. Фуко М. Интеллектуалы и власть. – М., 2002.